

© 2012 г.

С.П. ГЛИНКИНА, И.И. ОРЛИК

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

“Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство”¹. Это глубокое убеждение высказал в начале 90-х годов XX в. – в период распада великой державы наш современник, историк, русский мыслитель Л.Н. Гумилев.

Почему в это трагическое время истории России ее могла спасти не социалистическая или либеральная идея, а не многим еще понятная евразийская идея? Как она может спасти Россию? Да и что такое евразийская идея, “евразийство”? Эта идея привлекает сейчас, в XXI в., не только ученых, но и государственных, политических деятелей. Достаточно вспомнить публичные выступления по этой теме В.В. Путина, Н.А. Назарбаева и других деятелей.

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА

Среди более чем двух миллионов бывших подданных Российской Империи, покинувших свою родину или насильственно изгнанных новой властью после Октябрьской революции и Гражданской войны, была не одна тысяча представителей русской интеллектуальной элиты: университетские профессора, ученые, писатели, люди искусства, священнослужители и пр. Оказавшись на чужбине, они не могли не задуматься над судьбой своей огромной страны, будущим России.

Значительная часть этого слоя русской эмиграции примкнула к организациям, ставившим своей целью борьбу за свержение советской власти². И лишь небольшое число русских интеллектуалов поставили перед собой задачу не только осмыслить произошедшие в их стране глубокие перемены, но и попытаться определить возможное будущее России, ее место и роль в мировом развитии³.

В начале 20-х годов XIX в. в Праге экономист-географ П.Н. Савицкий и философ (пользуясь нынешней терминологией – политолог) князь Н.С. Трубецкой стали основателями идейного течения, вскоре получившего название “евразийство”. Признанными идеологами евразийства стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, К.Н. Леонтьев, В.П. Никитин, Б.Н. Ширяев, В.Н. Иванов.

Что же представляла из себя изначально концепция евразийства, изложенная ее основателями? И могут ли его главные установки использоваться на постсоциалистическом пространстве в XXI в.?

Глинкина Светлана Павловна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН.

Орлик Игорь Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

¹ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993, с. 31.

² См. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

³ См. Орлик И.И. Евразийство: от зарождения до наших дней. – Новая и новейшая история, 2010, № 1.

Кратко, в тезисной форме она заключалась в следующем:

– В течение нескольких веков пространство России, ее территория увеличивалась за счет “органического расширения в Азии”.

– Русский народ – это “особый этнический тип, сближающийся как с азиатским, так и с европейским”.

– Культура России не является ни полностью европейской, ни одной из азиатских. В ней нет механического соединения элементов той и других. Это срединная, евразийская культура, первенствующую роль в которой играют великороссы.

– Границы Евразии совпадают с границами Русской империи. Евразия – особая часть света, особый континент, “некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий”.

– Для будущего России необходимо закончить дело Петра I, то есть “вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии”.

– Россия отличается от Германии или Франции, в основе которых лежит национально-государственное единство. Основой России является культурно-материковое единство.

– “Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом и во многих других смыслах. Это “третий мир” Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный”.

– Не все евразийцы предлагают отвернуться от Европы. Напротив. Но для того, чтобы “сблизиться с Европой, нужно стать духовно и материально независимыми от нее”. Евразийцы утверждают, что Россия может быть независимой. “Она представляет своеобразную географическую среду, в своих простых, широких очертаниях резко отличную от дробного строения Европы”⁴.

– По мнению Н.С. Трубецкого, евразийский мир представляет собой “замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое”, которое отличается как от “собственно Европы, так и от собственно Азии”. И далее он подчеркивает, что сама природа указывает народам Евразии “необходимость объединиться” и “создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом”.

– Россия не должна быть “провинцией европейской цивилизации”. Европейский образ мысли рассчитан на “совершенно иной психологический тип людей”.

– Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать, свою подлинную природу. Необходимо “созидание самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации”⁵.

Некоторые евразийцы считали основой формирования Российской Империи только географическую среду.

Г.В. Вернадский в своем исследовании “Начертание русской истории” выделяет ряд концепционных положений евразийства:

– нет двух России, “европейской” и “азиатской”, а есть только одна Россия “евразийская” или “Россия – Евразия”;

– непрерывное поступательное движение русских на восток не является “империализмом”, а “неустрашимой внутренней логикой месторазвития”;

– русский народ не только применился к своему месторазвитию, но в большой степени и сам создал это свое месторазвитие⁶.

Первые евразийцы считали, что главным является сохранение “евразийского пространства”, “евразийской общности”. Они считали вполне исторически обоснован-

⁴ *Савицкий П.Н.* Континент Евразии. – Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М., 2007, с. 406–411.

⁵ *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 1999, с. 282–285.

⁶ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000, с. 23, 281.

ными Империю Чингисхана, Московское государство, Российскую империю, СССР – как преемственные формы евразийского объединения.

Евразийство сложно по своему содержанию. Не случайно евразийцы называли свое учение системой, сформированной на основе комплексного подхода. Они создали концепцию исторического, геополитического, культурного, этнографического единства России – Евразии, которая по их представлению, является особым геоприродным, историческим и социокультурным миром.

Итак, евразийство – это идеологическое течение русской общественной мысли, рожденное в результате длительного противостояния “славянофильства” и “западничества”; парадоксальным образом оно впитало в себя некоторые идейные элементы этих обоих общественно-политических направлений.

Из идейного поиска евразийство в 20-е годы прошлого века превратилось в политическое течение русской зарубежной эмиграции (в основном в Праге). Лидеры этого течения разрабатывали научные принципы евразийской геополитики как основы стратегических интересов России.

Изучение взглядов основоположников евразийской геополитики имеет большую научную, политическую и практическую значимость для определения роли и места современной России в мировой ситуации XXI в. и в рамках евразийского (постсоветского) пространства.

Особый интерес представляют методология и методы изучения основных факторов евразийской геополитики: территории, природных условий, демографической характеристики, общих показателей экономического развития, структуры промышленного и сельскохозяйственного производства, уровня развития материальной инфраструктуры, территориальных аспектов социально-экономического развития, финансов, внутренней и внешней торговли и пр.

Идейное наследие классического евразийства заслуживает глубокого и всестороннего исследования, критического осмысления. Нам не хватает знания о евразийцах, о их философских, исторических, экономических, религиозных взглядах. Впрочем, как не хватает знания и о самих себе.

Изучение и развитие евразийской идеи, ее многочисленных вариантов должно содействовать нахождению решений многих сложных проблем взаимоотношений народов на постсоветском пространстве, в том числе и ряда национальных проблем внутри Российской Федерации.

Важно разработать новый евразийский проект на основе многофакторного глубокого анализа всех сторон экономической и социально-политической жизни евразийского сообщества, отбросив устаревшие (или не оправдавшие себя) концепции классических евразийцев и нежизнеспособные постулаты большинства неоевразийцев 90-х годов прошлого века.

При подготовке нового евразийского проекта следует учитывать, что в XXI в. могут произойти новые переломные события. В борьбе за свои права в большую политику вступают страны, называвшиеся еще не так давно “развивающимися”. Обостряются социальные противоречия в невиданных ранее масштабах. Глобализация оказалась отнюдь не спокойным эволюционным процессом, она чревата массовыми народными взрывами.

Отдавая должное вкладу в науку классических евразийцев и воспринимая многие их идеи, исследователи места и роли России в XXI в. видят необходимость не только уточнения евразийской идеи применительно к новому времени, но и разработки новой евразийской теории, позволяющей осмыслить совершенно новое качество Российского государства – преемника Советского Союза.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Распад СССР в начале 1990-х годов можно рассматривать как процесс смены исторического ритма организации евразийского пространства, просуществовавшего почти 500 лет и разрушенного за считанные годы. Уничтожение централизованного государства сопровождалось разрывом тесных межреспубликанских экономических, полити-

ческих и социальных связей, что существенно осложнило процесс формирования на развалинах СССР самостоятельных национальных государств.

“Распад СССР – беспрецедентная дезинтеграция одного из полюсов биполярной структуры мира. Новые границы общей протяженностью около 24 тыс. км рассекли политически и экономически единое пространство. Если интеграция евразийского пространства шла более 500 лет, то его дезинтеграция заняла менее 5 лет.

В целом дезинтеграция – это усиление институциональных различий, абсолютное или относительное ослабление взаимных связей через “trade diversion”, усиление взаимных экономических и политических противоречий”⁷.

По мнению Председателя Русского исторического общества П.П. Александрова-Деркаченко, «отставание нынешнего постсоветского пространства от развитых стран наметилось еще в последний период существования СССР. Однако в 1990-е оно возросло многократно: в то время, когда развитые страны наращивали свою технико-экономическую мощь, в том числе за счет освоения рынков, открывшихся после распада Советского Союза, “новые независимые государства” преодолевали последствия краха советской экономики, решая проблемы элементарного физического выживания, стоявшие перед большей частью населения постсоветского пространства. Тогда было явно не до развития сложных производств. Квалифицированные кадры оказались не у дел, и проблема “утечки мозгов” (не столько за границу, сколько в сферы торговли и сервиса) приняла обвальный характер.

Объективные трудности усугубились рядом факторов субъективного порядка»⁸.

Станет ли вновь единым геополитическим субъектом расколотое постсоветское пространство, распад которого является не только национальной, региональной, но и мировой глобальной проблемой? В силу действия в регионе разнонаправленных тенденций, присутствия множества участников с несовпадающими и даже противоположными интересами однозначного ответа на поставленный вопрос дать невозможно. У современных исследователей нет единого мнения относительно перспектив развития евразийского постсоветского пространства, что нашло отражение в ряде работ, где у разных авторов можно встретить разную степень “оптимизма” относительно судьбы евразийского пространства как единого геополитического субъекта.

В основе понимания Евразии как целостного региона лежит допущение о некоем достаточно высоком потенциале естественной солидарности населяющих регион народов, которая проистекает из их многовекового совместного проживания, этнокультурного и экономического взаимодействия и встречных миграционных движений. Такое понимание делает практически значимыми некоторые положения концепции евразийства, которая отдельными исследователями рассматривается как возможное идейно-теоретическое основание для процессов реинтеграции постсоветского пространства. Есть серьезные попытки учитывать наработки современной евразийской концепции и в политической практике.

Рассмотрение теоретических основ идейно-политической и историко-культурной концепции евразийства, ее истоков, первоначальной и более поздней редакции, использование отдельных элементов теории в советской практике – все это позволяет считать, что применение ряда положений евразийской концепции в условиях радикальной политической и социально-экономической трансформации постсоветского пространства, региона Содружества Независимых Государств (СНГ) не только возможно, но и целесообразно. Новое прочтение евразийской идеи содействует лучшему пониманию специфики региона Евразии, нахождению эффективных путей решения сложных проблем взаимодействия народов, проживающих на евразийском пространстве.

После распада СССР российское руководство выдвинуло ряд интеграционных проектов в рамках СНГ, были заключены международные договоры об экономическом сотрудничестве. Важным шагом в возможном укреплении экономического сотрудниче-

⁷ Евразия в поисках идентичности. М. – СПб., 2011, с. 78.

⁸ Свободная мысль, 2011, № 3, с. 213.

ства бывших советских республик стало подписание в октябре 2000 г. в новой столице Казахстана Астане Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Однако декларации и многочисленные другие документы не получили развития и конкретной реализации. Как отмечала в 2008 г. ведущий научный сотрудник Института экономики РАН к.э.н. Л.С. Косикова, существовавшие на тот момент “региональные союзы России со странами СНГ не достигли в своем развитии даже начальной стадии рыночной интеграции – полноценных зон свободной торговли, они только готовятся к переходу в подобный режим”⁹.

Конечно, интеграционные процессы в рамках СНГ – ключевая экономическая (да и политическая) проблема возможного и необходимого укрепления сотрудничества народов на постсоветском пространстве. В этом отношении очень важен для определения будущей судьбы этого пространства вывод относительно необходимости сохранения (вопреки всем сложностям – внутренним и внешним) Содружества Независимых Государств: «Роль СНГ как региональной организации – “огораживание” геополитического постсоветского пространства, консолидация бывших республик – новых независимых государств, а в идеале для России – это поле выращивания более глубоких взаимных связей, могущих привести к формированию интеграционной группировки»¹⁰.

На постсоветском пространстве созданы интеграционные объединения различного характера – Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийское экономическое сообщество и на его основе Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С другой стороны, интеграционные процессы в рамках практически всех этих объединений вплоть до последнего времени в значительной степени пробуксовывали под воздействием накопившегося объема нерешенных проблем¹¹.

Выдвинутая концепция развития постсоветского (евразийского) пространства реализована не была. Создать военно-политический и экономический союз новых независимых государств не удалось. На постсоветском пространстве в течение почти двух десятилетий доминирующей тенденцией развития являлись дезинтеграционные процессы как на региональном, так и субрегиональном уровнях. В отношениях между большинством новых независимых государств существуют острые противоречия, которые нередко проявляются в острой, конфликтной форме. Потенциал конфликтогенности в их взаимоотношениях очень высок, делая военно-политическую интеграцию невозможной в полном составе. Ташкентский Договор о коллективной безопасности (ДКБ), преобразованный в 2002 г. в Организацию Договора о коллективной безопасности, изменить общую тенденцию не в силах. Об этом свидетельствовали отказ Азербайджана, Грузии и Узбекистана войти в эту организацию. Правда, позднее Узбекистан пересмотрел свою позицию и присоединился к ОДКБ. От участия в ОДКБ отказываются Украина и Молдова, мотивируя свою позицию тем, что интересы их безопасности лежат в Европе, а не в Евразии. Туркменистан, заявив о своем нейтралитете, принципиально отказывается от участия в работе региональных и субрегиональных организаций на постсоветском пространстве¹².

Как отмечает Б.А. Шмелев, быстрое создание экономического и военно-политического союза стран СНГ было нереально с самого начала, так как отсутствовало главное условие, необходимое для его формирования – не было государств с устоявшейся государственностью, со сложившейся политической элитой, способной формулировать национальные интересы и реализовывать их. По историческим меркам период

⁹ Косикова Л.С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. М., 2008, с. 11.

¹⁰ Там же, с. 61.

¹¹ См.: Евразия в поисках..., с. 183.

¹² Там же, с. 166.

в 20 лет – явно недостаточный срок для решения такой сложной задачи. Хотя сделано немало, говорить о том, что новые независимые государства состоялись, преждевременно. Отдельные государства с полным основанием могут быть отнесены к числу несостоявшихся и их исторические перспективы не ясны. Это Кыргызстан, Молдова, Таджикистан. Они по определению не могут быть равноправными участниками политической и экономической интеграции, их судьба – быть под протекторатом какой-либо великой державы¹³.

Несмотря на жесткую в 1990-х годах и продолжающуюся в последующее время мягкую дезинтеграцию, пространство постсоветской Евразии и сегодня сохраняет определенный уровень целостности. Он обусловлен весомой долей (30–40%) во взаимных поставках продукции обрабатывающих отраслей промышленности, широким трансграничным движением населения, сохраняющейся общей транспортной инфраструктурой государств Содружества, растущими финансовыми потоками между странами, схожим технологическим уровнем. Однако речь идет о “быстро исчезающей целостности” под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов. Среди них: реализация странами разных моделей трансформации экономических систем (в результате чего институциональная неоднородность пространства нарастает); естественные процессы географической диверсификации внешнеэкономических связей в условиях рыночных преобразований, либерализации внешнеэкономической деятельности и ориентации на коммерческий эффект; дезинтегрирующее воздействие мощных соседних полюсов мировой экономики и ряд других.

Нельзя не видеть, что огромная территория и совокупный ресурсный потенциал евразийского региона в сочетании со слабой экономической позицией стран СНГ, в том числе и России, в мировой экономике делают регион ареной острой геоэкономической и геополитической конкуренции основных мировых центров силы. США, Европейский союз, Китай, используя существенно различающиеся стратегии, стремятся к достижению в принципе схожих целей – к расширению за счет евразийского пространства рынков сбыта своей продукции, к обеспечению альтернативного энергоснабжения, к укреплению своих геополитических позиций.

Все прошедшие после развала СССР годы Россия не оставляла попыток формирования (реинтеграции) постсоветского пространства, которые вплоть до последнего времени не давали сколь-либо заметных результатов. Лишь в годы мирового финансового кризиса наметились определенные успехи на этом пути: реально создан Таможенный союз (ТС) России, Казахстана и Беларуси, началось с 1 января 2012 г. формирование названными государствами единого экономического пространства (ЕЭП), есть обоснованные надежды на расширение состава участников этих форм интеграции за счет ряда государств СНГ, подключения к ним Украины – принципиально важного игрока на постсоветском пространстве.

Вплоть до последнего времени в научной литературе, посвященной развитию постсоветского пространства, превалировал анализ существующих здесь центробежных тенденций. Но все больше дают о себе знать и центростремительные силы, способные сплотить пространство, объединить государства региона на основе имеющихся у них общих совместимых экономических, политических и социальных интересов. Об этом свидетельствуют факторы, консолидирующие постсоветское пространство, а также политика и практические шаги России по укреплению региональной общности.

Для большинства стран СНГ Россия выступает крупным, практически безальтернативным рынком для их традиционных товаров, трудовой миграции и услуг, прежде всего транспортных и туристических. Доля России в экспорте ее партнеров по СНГ в 2008 г. колебалась от 1% у Азербайджана до 32% у Беларуси, а в импорте – от 7% у Грузии до 60% у Беларуси.

¹³ См.: Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации. Отв. редактор Л.З. Зевин. СПб., 2008.

В последние годы Россия стала довольно привлекательным местом помещения капитала и ведения бизнеса. Если в 2000 г. из стран СНГ в РФ поступило 22 млн. долл. инвестиций, в 2005 г. – 1665 млн. долл., то в 2008 г. уже – 4879 млн. долл.¹⁴

Сравнительно высокие темпы экономического развития в странах Содружества во многом связаны с Россией, ростом ее внутреннего спроса, инвестиций, преференциальными ценами на углеводороды до середины первого десятилетия нового века. Денежные переводы из России способствуют росту внутреннего спроса в странах Содружества, развитию малого бизнеса и инвестиций в основной капитал. С 2005 г. Россия наращивает инвестиции в эти страны: 131 млн. долл. в 2000 г., 621 млн. в 2005 г., 10258 млн. в 2008 и 9214 в 2009 г.¹⁵

Для партнеров по СНГ Россия – крупный и довольно богатый рынок, на котором можно найти спрос для своих товаров и услуг; заинтересована и Россия в рынках стран СНГ, особенно если удастся повысить уровень платежеспособного спроса населения. Страны СНГ важны для России и как источник дешевой рабочей силы разной квалификации, за счет которой создается не менее 5% ВВП России.

НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО XXI ВЕКА

Евразийство как концепция развития современной России и соседних с ней бывших советских республик является одной из сложнейших проблем, определяющей их место и роль в глобальном мире, в системе международных политических и экономических отношений.

Как и основатели евразийства почти 100 лет тому назад определяли Евразию географически в границах российского государства начала XX в., так и современные исследователи, а также многие политики считают Евразией постсоветское пространство.

От реализации в наше время евразийской идеи зависит будущее России: будет ли она интегрироваться в мировое сообщество самостоятельно, или сплотит под своим лидерством большую часть Евразии.

Учет принципов старой стратегии евразийства позволяет разработать концепцию нового евразийства. Это становится острой необходимостью для России в условиях угрожающих ей вызовов XXI в. Россия вынуждена обратиться к идее евразийства, ее “толкают” к этому общая деградация миропорядка, кризис глобализма, растущая нестабильность поведения НАТО, сложные процессы в Евросоюзе, фактический крах ОБСЕ, наконец, недружелюбное отношение к России многих западных политических кругов.

У России нет надежных союзников вне постсоветского пространства и вряд ли они появятся в ближайшие годы. Неоевразийство может стать не только концепцией, но и фактором экономической, политической, военной, культурной интеграции многочисленных народов на огромной территории от белорусского Бреста до Тихого океана.

Россия – “срединное государство” на евразийском пространстве и к тому же крупнейшее государство. Она может стать важным евразийским центром силы, обеспечивающим евразийскую безопасность. При этом, говоря словами русского философа Н.А. Бердяева, “Россия должна сознавать себя и Западом, Восточно-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем”.

После распада СССР возникшая и заинтересовавшая многих идея создания Евразийского союза замалчивалась новой властью либо искажалась. Президент РФ Б.Н. Ельцин пренебрежительно отзывался о предложении президента Казахстана Н.А. Назарбаева создать Евразийский Союз.

Н.А. Назарбаев сыграл большую роль в стимулировании становления неоевразийства, как идейного течения, призванного продолжить научный поиск классического евразийства. Помимо государственно-политической деятельности и инициатив по созданию и деятельности Содружества Независимых Государств, Назарбаеву принадлежит заслуга разработки ряда теоретических проблем евразийского пространства и его

¹⁴ Россия в цифрах 2010. М., 2010, с. 485.

¹⁵ Там же, с. 484.

интеграционного потенциала¹⁶. Назарбаев обосновал идею более интенсивной интеграции евразийских стран: тесное экономическое сотрудничество, совместное решение оборонных, экологических проблем, создание общего культурного, информационного пространства. При этом он подчеркивал, что в интеграции этих стран “стержнем может стать именно Россия”¹⁷. Ему же принадлежит авторство детального проекта “Формирование Евразийского Союза государств”¹⁸.

Однако все его идеи вплоть до последнего времени не находили поддержки среди российской правящей элиты (да и у среднеазиатских соседей, и, тем более, у Украины) и в результате не стали основой конкретной реализуемой программы.

Среди неоевразийцев существуют разнообразные, подчас противоречащие друг другу, течения: от либеральных до крайне консервативных. Тем не менее, ставшие известными по своим работам А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, Г.Д. Чесноков, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др., считают себя евразийцами. Многих из них объединяет антизападная тенденция.

Своеобразным стимулом для повышения интереса к идеям евразийства, а также для конституирования неоевразийского движения, стало признание значения и актуальности евразийских идей российским руководством. Выступая в Университете им. Л.Н. Гумилева 10 октября 2000 г. в Астане, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: “Заряд, который несут в себе евразийские идеи, особенно важен сегодня, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами Содружества Независимых Государств. И на этом пути нам важно сохранить все лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада”¹⁹.

Неоевразийство стало одной из значительных мировоззренческих платформ, но отнюдь не единой. Под предлогом поиска “русской идеи” некоторые неоевразийцы проповедуют свои великодержавные устремления, что вовсе не было характерным для классических евразийцев.

Мысли евразийцев 20-х годов прошлого века в наше время стали пророческими, определяющими будущее России на отдаленную перспективу всего XXI в. Поэтому воспринимаются, как весьма актуальные, слова евразийского патриарха Г.В. Вернадского: “Русский народ есть основная сила Евразийского государства; *русский язык есть основная стихия евразийской культуры* (курсив Г.В. Вернадского. – *Авт.*). Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта – в свободном культурном творчестве. Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил.

Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии”²⁰.

Это вовсе не проявление “русского шовинизма”. Евразийцы всегда выступали против “русского национализма”. Да и само слово “русский” давно уже, даже в 20-е годы XX в., потеряло свое этническое значение и стало дефиницией гражданственности, принадлежности к Российскому государству.

Гражданин СССР или современной России, независимо от своей этнической принадлежности, оказавшись за границей, становится в любой стране “русским”²¹.

¹⁶ См. Программные документы Общероссийского политического общественного движения “Евразия”. М., 2001.

¹⁷ Там же, с. 31.

¹⁸ Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. Алматы, 1994, с. 3–12.

¹⁹ Евразийство. Теория и практика. М., 2001, с. 7.

²⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч., с. 282.

²¹ Еще до распространения определения “русский”, было устаревшее слово “россиянин”. Возможно от названия жителей прибрежных земель реки Россъ на Украине – еще до Киевской Руси: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983, с. 609. “Южными россиянами” называл Н.В. Гоголь жителей Украины времен Тараса Бульбы: Гоголь Н.В. Собр. соч., т. 2. М., 1952, с. 31. Ни в одном из языков мира нет перевода адекватного слову “россиянин”.

Что же касается русского языка, о чем говорил Вернадский, и его роли на евразийском пространстве, то он, русский язык, является главным инструментом не только общения всех евразийских народов, но и средством восприятия ими культуры, науки, искусства других (практически всех) народов мира, особенно европейской культуры в ее широком смысле.

Да и мир познает народы Евразии главным образом через русский язык. Вряд ли “Витязь в тигровой шкуре” или романы Ч. Айтматова стали известны миру, если бы они не пришли в каждую страну, прежде всего, на русском языке.

О том, что евразийцы одинаково относились ко всем народам Российского государства, свидетельствует главный вывод, к которому они пришли и который распространяется на все народы российской державы, независимо от ее внутреннего строя – монархии, “реального социализма” или “либерального социального государства” XXI в. Этот вывод может быть положен в основу всей евразийской геополитической стратегии и в наши дни: “Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно, прежде всего, как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место.

В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям”²².

Неоевразийство XXI в. привлекает внимание многих исследователей. Среди них и явные противники этой концепции, и те, кто пытается объективно разобраться в ее сущности. Неоевразийство, по мнению последних, открывает перед расчлененной Евразией перспективу превращения в один из центральных, системообразующих регионов мира.

«Неоевразийство претендует на роль учения, объясняющего специфику организации и функционирования постсоветского пространства в глобальную эпоху. Его объединительная целеустремленность основана на сохранении исторической преемственности, связи с культурными традициями народа и с окружающей его средой, включении вопросов безопасности, утверждении возможности мирного сосуществования и сотрудничества “суперэтноса” с другими этносами, включая малые»²³.

Как отмечает главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор Л.З. Зевин, “современная база неоевразийского движения формируется в завершающей фазе трансформационного периода, когда страны постсоветского пространства обрели, хотя и зыбкие, основы государственности, вышли на траекторию роста и ощупью искали свое место в мировом хозяйстве и системе международных отношений. Возвращение в общий исторический поток проложило своеобразные мостки к “классическому” евразийству и в какой-то мере связало его с реальной ситуацией на постсоветском пространстве. Расширились тематика и географические границы движения: оно претендует на статус не только мегарегионального (Евразийский континент), но и глобального игрока в противостоянии глобализму “атлантического” толка, а также (в условиях идеологического вакуума) на роль российской национальной идеи.

Подобная трансформация придала большую реальность региональной составляющей неоевразийства”²⁴.

Сегодня Евразийский союз, продолжающий интеграционную традицию, – говорится в программных материалах Международного Евразийского движения, – выра-

²² Трубецкой Н.С. Указ. соч., с. 502–503.

²³ Евразия в поисках..., с. 64.

²⁴ Там же, с. 60–61.

ботал “особую мировоззренческую модель, учитывающую демократические процедуры, права народов, культурные, языковые и этнические особенности всех участников интеграции”²⁵.

В современном евразийстве отражен поиск путей будущего развития постсоветского пространства. Так же, как и поиск обустройства самого российского государства.

“Современная Россия все еще не сформулировала теоретических подходов и не нашла политических решений, способных объединить в каких-либо формах усилия народов Евразии для ее превращения в системообразующий регион с развитыми экономикой, социальной сферой и культурой, демократическим устройством, способным внести достойный вклад в обустройство мира XXI века”²⁶.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Евразийская идея и особенно попытки ее реализации, предпринимаемые в последние годы, с настороженностью, а то и с явным недовольством воспринимаются западными исследователями и политиками. Об этом свидетельствуют не только специальные труды, посвященные евразийству, но и откровенные высказывания дипломатов и политиков, трактующих современное евразийство, как “имперское устремление” России и чуть ли не как “воссоздание СССР”.

Так, французская исследовательница М. Ларюэль в ряде своих книг, и, прежде всего, в работе “Русское евразийство: идеология империи”, оценивает современное евразийство как самую изощренную из всех консервативных идеологий²⁷. Постулаты классического евразийства используются политиками, по ее утверждению, для продвижения своих политических проектов, а их авторы даже не пытаются глубоко изучить и критически осмыслить идейное наследие “отцов – основателей”²⁸. С последним нельзя не согласиться.

Очевидно, этим определяется внешняя политика Запада в отношении и России, и других государств на постсоветском пространстве.

«Неудержимый процесс глобализации мировой экономики делает актуальной концепцию “нового евразийства”... Пора преодолеть присущий многим нашим соотечественникам инстинктивный западоцентризм и взглянуть на изменившийся мир непредвзятым взглядом»²⁹.

Распад Советского Союза и формирование на базе бывших национальных республик новых государств привели к чрезвычайно сложной и непредсказуемой геополитической ситуации. Это проявилось не только на постсоветском пространстве, но и отразилось в трансформации международной жизни конца XX – начала XXI в. В свою очередь новая геополитическая ситуация в Европе, да и во всем мире, не могла не повлиять на экономическую и политическую обстановку в странах СНГ и особенно на формирование их внешнеполитической ориентации.

Внешняя политика постсоветских стран, большинство которых на протяжении веков (а то и никогда) не имели своей государственности, не могла быть сформирована сразу после провозглашения их самостоятельности. Да и сейчас, спустя 20 с лишним лет, вряд ли можно говорить о наличии четкой внешнеполитической стратегии у каждой из новых стран.

Отсюда и подверженность стран СНГ внешнему влиянию крупных держав, международных военных, политических и экономических союзов. Что касается отношений каждой из постсоветских стран с главным партнером – с современной Россией, то решающую роль здесь призвана играть сама Российская Федерация. Как отмечает член

²⁵ Евразийская миссия (программные материалы). М., 2005, с. 4.

²⁶ Евразия в поисках..., с. 50.

²⁷ Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington – Baltimore, 2008.

²⁸ Ibid., p. 5.

²⁹ Овчинников В. Шелковый путь вновь актуален. – Российская газета, 3.XI.2011.

корреспондент РАН Р.С. Гринберг, “если России не удастся консолидировать вокруг себя страны, которые могли бы с ней сотрудничать в обоюдных интересах, она осложнит свое социально-экономическое развитие”³⁰. Но это создаст и явные предпосылки для укрепления западного вектора внешней политики каждой из стран СНГ.

Эту мысль высказывает и академик О.Т. Богомолов: “Для России важно сегодня выступать объединяющим центром или фактором, потому что это повышает ее вес в международных делах. Это означает стратегический подход к будущему, потому что закладывает основы будущего международного порядка пока в региональных рамках... Сегодня мы внутри постсоветского пространства оказываемся в не очень дружелюбном окружении”³¹.

В постсоветском регионе усиливается геополитическое соперничество, которое становится ареной международной конкуренции в политике и в экономике. “Российский вектор” перестает (а в ряде случаев и перестал) быть приоритетным для стран СНГ. Его все больше заменяет “западный вектор”, препятствующий развитию интеграции России с этими странами.

Формируя свою внешнюю политику, ряд стран СНГ учитывает откровенно провозглашенные интересы в отношении них со стороны США и государств Евросоюза. Американская политика “геополитического плюрализма” прямо направлена на “привязку” стран СНГ. Не случайно в ежегодно утверждаемом американским конгрессом государственном бюджете выделены статьи на поддержку отдельных постсоветских стран.

Известный эксперт по проблемам СНГ Л.С. Косикова обоснованно утверждает: “В сферу особых американских интересов давно попали Украина как ключевое государство СНГ, прикаспийские страны, особенно, Азербайджан, страны Южного Кавказа (прежде всего Грузия, а также Армения), государства Центральной Азии, где главным партнером США до недавних пор считался Узбекистан. Страны Центральной Азии и Кавказа – это объекты повышенного внимания со стороны США после 11 сентября 2001 г., так как в них проживает мусульманское население”³².

Западный фактор во внешней политике стран СНГ в течение длительного времени воздействует на их отношения с Россией и на взаимоотношения западных держав и Российской Федерации. Это отчетливо понимают американские аналитики. Еще в конце прошлого века З. Бжезинский отмечал: “Россия остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза... Как только она восстановит мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей”³³.

Большинство стран СНГ подчас демонстративно заявляет о своей “независимой от России внешней политике”. Они стремятся заручиться поддержкой со стороны США и ЕС, которые якобы могут обеспечить их независимость. А те в свою очередь обещают многостороннее сотрудничество и модернизацию, содействие в распространении западных стандартов демократии (например, на Украине, в Молдавии, Грузии и Азербайджане), а затем и включение в евроатлантические структуры. Причем элиту этих стран не смущает явная перспектива потери своего суверенитета.

К концу первого десятилетия XXI в. стала проявляться заинтересованность Запада, прежде всего Евросоюза, в установлении “особых” отношений с Белоруссией, рассчитывая на возможную внешнеполитическую переориентацию этой страны на ЕС.

³⁰ Гринберг Р.С. Содружество независимых государств: возможности и пределы консолидации. – К какому альянсам ведет “цивилизованный развод”. М., 2007, с. 26.

³¹ Богомолов О.Т. Политические и нравственные аспекты интеграционных процессов на постсоветском пространстве. – Там же, с. 29, 31.

³² Косикова Л.С. Итоги 15-летнего развития государств СНГ и их взаимного сотрудничества. М., 2007, с. 50.

³³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998, с. 59.

Политика ведущих стран Запада направлена на вытеснение России из Центральной Азии, Кавказа и Украины, против углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Именно эта политика определяла и отчасти определяет сейчас стремление ряда политических элит (прежде всего в Грузии, Молдавии, в какой-то степени на Украине) присоединиться к Евросоюзу и НАТО или проводить “многовекторную” политику, в которой России отводится отнюдь не определяющая роль.

Тесное сотрудничество Грузии с США и НАТО не привело к вступлению Грузии в Североатлантический Союз, к чему уже давно стремится грузинское руководство. Что касается соседнего Азербайджана, то в соответствии с Планом индивидуального партнерства азербайджанские воинские части одна за другой переходят на стандарты НАТО. США принимают участие в коренной модернизации ряда военных частей Азербайджана. Пентагон давно уже наметил расширить американское военно-стратегическое присутствие на Кавказе и в Каспийском регионе, а затем и в Центральной Азии.

Одновременно Евросоюз разработал стратегию “расширенной Европы”. В основе этой стратегии находится концепция “Европейской политики соседства”, объектами которой стали Украина, Молдавия, Белоруссия, Армения, Грузия и Азербайджан.

Таким образом, западная стратегия не только вызывала соответствующую реакцию стран СНГ, но и предопределяла формирование их многовекторной внешней политики. Западный вектор этой политики поддерживался той частью политической элиты постсоветских стран, которая стремилась дистанцироваться от России и ориентировалась на поддержку со стороны США, Евросоюза и НАТО. “Все более отчетливо проявляется стремление политических элит новых независимых государств ориентироваться на Запад, на США и ЕС, рассчитывая с их помощью решить стоящие перед ними сложнейшие проблемы становления государственности и экономического развития, или же играть на противоречиях между Россией и Западом и пытаться выторговать у них максимально возможные уступки”³⁴.

Политика Запада существенно влияет на общую геополитическую ситуацию на постсоветском пространстве. Она отражается и на отношениях между Россией и странами СНГ и на взаимоотношениях бывших советских республик.

Доброжелательные, взаимовыгодные отношения – важное условие стабильности на постсоветском пространстве. После распада Советского Союза эти отношения длительное время оставляли желать много лучшего. И в XXI в. взаимосвязи государств СНГ еще далеки от тех, какие существуют, например, между членами Евросоюза. При этом отчетливо проявляется воздействие внешних факторов, прежде всего стремление Запада “нейтрализовать” и ограничить Россию в ее связях с другими странами СНГ.

Экономическая и политическая обстановка в странах СНГ, их изменившаяся внешнеполитическая ориентация определяются новой геополитической ситуацией в Европе, да и во всем мире, которая не может не влиять на них. Очень важно поэтому правильно оценить новые, подчас драматические события первого десятилетия XXI в. с учетом важнейших направлений современной международной жизни.

Современный мир переживает очередной этап масштабной трансформации международной системы. “Этот процесс начался после распада биполярного мира, ликвидации мировой системы социализма и приобретения хозяйственными рыночными порядками универсального характера. Главными элементами трансформации стали глобализация хозяйственных и общественных отношений, активизация трансграничных процессов и усиление многослойной взаимосвязанности в политике и экономике, нарастание гибкости, противоречивости и неустойчивости международной системы в целом”³⁵. Видимо, в середине первого десятилетия XXI в. завершился “переходный период”, и мир вступил в новую эру развития мировой экономики и политики.

³⁴ Шмелев Б.А. Кризис СНГ или кризис наших представлений о СНГ. – К каким альянсам ведет “цивилизованный развод”, с. 100.

³⁵ Мир вокруг России. – Мир перемен, 2007, № 3, с. 9.

После окончания “холодной войны” мир не стал более безопасным. Напротив, установившийся “монополярный мир” не в состоянии обеспечить международную безопасность. Аналитики во многих странах до конца не осознали последствий распада СССР. Речь идет не о падении социалистического строя или коммунистического центра. Речь идет в геополитическом смысле о распаде великой державы. В свое время В.В. Путин назвал распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. Увы, последствия этой катастрофы и сегодня, и в будущем еще долго будут давать о себе знать, и не только в России и в других странах СНГ, но и во всем мире.

Что касается ситуации на постсоветском пространстве и перспектив развития СНГ, то сбылось мрачное пророчество американского дипломата и историка Дж. Кеннана, который предупреждал, что найдутся те, которые «расценили конец “холодной войны” и распад СССР как образование вакуума, который они, в соответствии со своими представлениями, должны теперь заполнить»³⁶.

По мере расширения НАТО изменилась и стратегия Североатлантического альянса, значительно расширилась “зона ответственности” блока. Расширение идет не только территориальное (сюда включены Россия и постсоветские государства), но и по сферам активности: этнические чистки, энергетическая безопасность, гражданские войны, региональные конфликты, терроризм, массовые миграции населения и т.п.

Человечество не долго отдыхало после окончания “холодной войны”. Продолжают тлеть непогашенные очаги балканского пожара, возникают новые противоречия; едва вступившие в НАТО новые члены альянса вовлечены в опасный пожар на Ближнем Востоке. И все это рядом с Россией и ее европейскими партнерами по СНГ.

Место и роль стран СНГ в современной международной жизни определяются в значительной степени состоянием российско-американских отношений. Переходя в сферу влияния США, некоторые государства СНГ ориентируются на американскую политику в отношении России. Их лидеры часто оперируют якобы своим желанием участвовать в установлении “нового мирового порядка, придерживаться “общечеловеческой морали”.

Изменение общей геополитической ситуации в мире, особенно в Европе, где даже после расширения НАТО так и не сформировалась общеевропейская система безопасности, продолжает оказывать влияние на отношения между Россией и США, между Россией и странами СНГ. А это одно из важных направлений развития новой геополитической ситуации.

США реализуют военно-политическое “освоение” региона с дальним прицелом: американские планы по глобализации НАТО и расширению зоны ее “ответственности”. Разработаны и, как правило, реализуются программы сотрудничества стран Центральной Азии с Североатлантическим альянсом (в рамках специально созданной и действующей с 1994 г. “Партнерства ради мира”), предусматривающие обучение и переподготовку их военнослужащих, а также другие проекты – военные и невоенные.

В целом в политике США в Центральной Азии ныне преобладает военно-политическая сторона. В Киргизии Соединенные Штаты финансируют военные проекты с 1996 г. Среди них – строительство объединенного учебного центра. США фактически сохранили, лишь переименовав, свою базу в аэропорту Манас, которую используют с 2001 г. Хотя предполагается, что пребывание американцев на базе “Манас” носит временный характер и прекратится с окончанием афганской операции.

По интенсивности контактов и взаимодействий в рамках участия в программе “Партнерство ради мира” намного опережает другие государства Центральной Азии Казахстан – ключевая, с точки зрения США, страна в регионе. США стремятся превратить Казахстан в “проводника реформ” и регионального лидера³⁷.

³⁶ Kennan G. F. The USA and the World: NAN interview with George Kennan. – The New York Review of Books, 1999, 12 August, p. 4.

³⁷ Евразия в поисках..., с. 137–142.

Казахстан в 2003 г. был включен в зону ответственности южного командования НАТО. В том же году был подписан пятилетний план сотрудничества между Казахстаном и США. А два года спустя штаб-квартира представительства альянса по связям и взаимодействию с государствами Центральной Азии расположилась – в соответствии с местом Астаны в планах Вашингтона – в Алма-Ате. В 2008 г. были ратифицированы два казахско-американских документа о поддержке операций США в Афганистане. Они установили порядок и условия предоставления аэропорта Алма-Аты в качестве запасного аэродрома для экстренных посадок самолетов США и других стран, воюющих в Афганистане. В январе же 2010 г. было достигнуто соглашение, позволяющее “силам НАТО доставлять так называемые несмертельные грузы через территорию Казахстана”.

Американские военные и внешнеполитические ведомства уделяют также особое внимание Узбекистану – второму после Казахстана приоритетному партнеру в Центральной Азии. В январе 2010 г. вступил в силу план действий по укреплению сотрудничества США и Узбекистана на 2010 г.

Планируется дальнейшее расширение альянса за счет некоторых постсоветских государств, прежде всего Грузии и Украины, реализуется “глобализация” НАТО. Этот проект, подготовленный американскими экспертами, может привести к дальнейшему обострению геополитической ситуации и никак не укрепит международную безопасность. Против него уже выступили многие авторитетные европейские политики и эксперты.

Внешняя политика ряда стран СНГ зависит от “температуры отношений” между Москвой и Вашингтоном. Разногласия между Россией и США оказывают влияние на международные позиции стран СНГ.

Особое место в политике США занимают кавказские государства; этот беспокойный регион часто называют “Кавказским геополитическим узлом”. Кавказский регион сталкивается с рядом рисков и вызовов, к которым можно отнести слабость государств в переходный период, нерешенные конфликты, неудовлетворительный уровень экономического развития, а также этнические и религиозные различия – основной источник противоречий.

Американские геостратегические интересы на Кавказе следует воспринимать в нескольких плоскостях: ограничение российского влияния; обеспечение свободного доступа к нефтяным залежам Каспийского региона; оказание помощи союзным или дружественным режимам. США и Россию многие эксперты рассматривают как геополитических конкурентов в отношении каспийских энергетических ресурсов и их транспортировки.

В последние годы наблюдается качественное изменение российской политики на Кавказе, все более принимающей геостратегическую направленность, что обусловлено потребностью защиты в контексте расширения НАТО и размещения установок системы американской противоракетной обороны на территории бывших союзников по Варшавскому договору.

На внешней политике стран СНГ отражаются отношения между США и Евросоюзом. Суверенитет и национальная безопасность, особенно европейских стран СНГ, зависят от ориентации на США или Евросоюз. Геополитическое позиционирование Евросоюза и США превращается в один из основных факторов, определяющих мировой порядок в XXI в. Политологи все чаще задают вопрос: как сложится новый мировой порядок – по-европейски или по-американски?

На политические отношения между Россией и странами СНГ накладывали отпечаток сохранившиеся проблемы старых времен, а также трудности новых системных трансформаций, что в совокупности с глубоким изменением основных приоритетов внешней политики заметно тормозило развитие их политического взаимодействия. Из-за проявлений недоверия и подозрительности обеих сторон эти отношения и сейчас нельзя охарактеризовать как нормальные и конструктивные. Со стороны государств СНГ это обуславливается недавним историческим опытом, неопределенностью будущего России, усилением в ней якобы неоимперских устремлений.

И все же надежды стран СНГ могут быть связаны с восстановлением и расширением взаимовыгодных отношений с Россией. Значение России не утрачено для государств СНГ. Россия не может не учитывать, что она нужна странам СНГ, и те в свою очередь нужны России. Объективные обстоятельства и схожесть решаемых проблем, экономическая и геополитическая взаимозависимость толкают страны к восстановлению сотрудничества. Конечно, такое сотрудничество обусловлено в значительной мере восстановлением экономической и политической стабильности в России. Но это отнюдь не означает, что нужно ждать установления этой будущей стабильности.

К сожалению, на отношения между Россией и странами СНГ, приходится относить и явление культурно-психологического плана: распространение на Западе, а оттуда и в странах СНГ негативного образа России, спекуляций на историческом прошлом, насаждение русофобии.

И все же первое десятилетие нового века привело к иному качеству геополитической ситуации: постепенной нормализации отношений между Россией и странами СНГ вопреки продолжающемуся воздействию западного фактора на внешнюю политику постсоветских государств.

СТАНЕТ ЛИ РЕАЛЬНОСТЬЮ ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ?

Евразийская идея, возраст которой приближается к столетию, вновь привлекла к себе внимание в начале второго десятилетия XXI в. И не только внимание исследователей, но и государственных деятелей, которые намечают ближайшие цели и конкретные сроки ее реализации.

Выдвинутое Н.А. Назарбаевым в 1994 г. предложение создать на постевропейском пространстве Евразийский Союз Государств сейчас обсуждается на самом высоком уровне. Весьма показательны в этом отношении публичные выступления лидеров РФ, Казахстана и Республики Беларусь осенью 2011 г. Конечно, государственные деятели России, Казахстана и Белоруссии исходят из нынешней ситуации в их странах, на постсоветском пространстве, да и во всем мире. Но главные идеи классического евразийства остаются основой нового интеграционного проекта для Евразии.

27 ноября 2011 г. на съезде “Единой России” В.В. Путин заявил: “На наших глазах происходит серьезная трансформация глобальной экономики, складываются новые центры геополитического влияния. Но именно поэтому мы предлагаем свой интеграционный проект и ставим приоритетную цель – создание уже в ближайшее время Евразийского союза. Это новый проект вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня с новыми возможностями для граждан, для бизнеса, для торговли и для инвестиций, для сотрудничества в сфере культуры, науки, образования, с твердыми гарантиями стабильности, спокойствия на огромном евразийском пространстве”³⁸.

Положительно оценивая деятельность СНГ, отмечая в то же время его внутренние проблемы и нереализованные ожидания, В.В. Путин все же подчеркивает, что “именно опыт СНГ позволил нам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство... 1 января 2012 года стартует важнейший интеграционный проект – Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана. Проект, являющийся, без преувеличения, исторической вехой не только для трех наших стран, но и для всех государств на постсоветском пространстве”³⁹.

Конкретизируя дальше евразийскую идею XXI в., ее практическую реализацию, В.В. Путин отмечает: “Строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского эко-

³⁸ Российская газета, Неделя, 1–7.XII.2011.

³⁹ Известия, 17.IX.2011.

номического союза. Одновременно будет идти и постепенное расширение круга участников Таможенного союза и ЕЭП за счет полноценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана. Мы не останавливаемся на этом и ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции – к Евразийскому союзу”.

Предлагается модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз. Имеется в виду сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития.

“Евразийский союз, – по словам Путина, – послужит своего рода центром дальнейших интеграционных процессов. То есть будет формироваться путем постепенного слияния существующих структур – Таможенного союза, Единого экономического пространства”⁴⁰.

“Новым прочтением евразийской идеи в XXI веке” назвал Н.А. Назарбаев договоренности о дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве и создание в ближайшей перспективе Евразийского Союза: “В начале второго десятилетия XXI века идея евразийской интеграции обретает реальные черты Единого экономического пространства. Она доказала свою историческую перспективность как верный путь к процветанию и благополучию наших стран и народов. Приняты ключевые политические решения. Предстоит решить немало масштабных задач, чтобы создать экономически мощный, стабильный и выгодный всем Евразийский Союз. Именно в этом – наша общая стратегическая цель! Евразийский союз – это мегапроект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего. Он имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса. Для этого всем участникам евразийской интеграции необходимо иметь ясную и четкую стратегию действий”⁴¹.

Н.А. Назарбаев предвидил, что вокруг идеи по созданию Евразийского Союза развернется активное обсуждение. Так и произошло. Многие выступают в поддержку новой евразийской идеи. Но есть и сомневающиеся и даже отрицающие возможность достижения поставленной цели. Приведем в этой связи весьма категоричные утверждения известного российского экономиста В.Л. Иноземцева:

“В своей статье российский премьер прямо или косвенно указывает на три главных преимущества Евразийского союза. Во-первых, он считает, что “сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке”. Во-вторых, он ставит перед союзом задачу “стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». В-третьих, он надеется на то, что “вхождение в Евразийский союз, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу”. Оценим эти аргументы. Простая статистика показывает, что пресловутое “сложение потенциалов” не обеспечит качественных перемен. ВВП союза превысит российский всего на 14,8%, если объединение произойдет немедленно. Все потенциальные участники союза беднее России –

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Известия, 26.X.2011.

средний для союза подушевой ВВП окажется на 11,1% ниже нынешнего российского показателя. О каком технологическом потенциале идет речь, если все участники союза являются нетто-импортерами промышленных товаров, а потребности в инновационной продукции на 90–100% покрывают за счет поставок из-за рубежа?

Сложно обстоит дело также с “центром” и “связкой”. Геоэкономическими центрами мира сегодня являются США, ЕС и Китай – страны, в разы превосходящие потенциальный союз по большинству показателей. Единственный схожий с ним центр – Бразилия – находится на континенте, где у него нет соперников. Союз же (с ВВП в 2,7 трлн. долл.) окажется зажат между ЕС (15,6 трлн. долл.) и Китаем (11,2 трлн. долл.). Вряд ли он сможет “развернуться” в этих условиях как новый глобальный “центр”. Со “связкой” дела еще хуже. Если в 1989 г. транзит через СССР обеспечивал 11% всех грузоперевозок между Европой и ЮВА, то в 2010 г. через Россию прошло менее 1%.

Надежда на интеграцию в Европу с помощью нового союза вызывает особые сомнения. Во-первых, пока союз выглядит как сообщество стран, не являющихся членами ВТО, – какая тут Европа? Во-вторых, все его участники имеют достаточно специфическое, скажем так, представление о демократии. В-третьих, если сам премьер часто повторяет, что Россия слишком велика для Европы, то союз, видимо, будет тем более велик. Рассказ о том, что Таможенный союз уже начал переговоры с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), вызывает только улыбку: в ЕАСТ, которая имела при своем основании в 1960 г. семь членов, сейчас их осталось всего четыре: Швейцария, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн. А слова о том, что “Евразийский союз будет строиться... как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов”, выглядят, по меньшей мере, неубедительно. По крайней мере, до тех пор, пока на всем “евразийском” пространстве не распространится практика сменяемости власти на основе полноценных альтернативных выборов”⁴².

Политолог Ю.В. Тавровский также выражает сомнение относительно “ускоренных темпов” создания Евразийского союза. “Создать Евразийский союз, да еще в ускоренном темпе, к 2015 г., будет непросто. Ведь на евразийском пространстве уже реализуется несколько интеграционных проектов. Речь идет не об СНГ, ЕвРАЗЭС, ОДКБ, которые не конкурируют с грядущим Евразийским союзом, а дополняют его. Взять, например, Совет сотрудничества тюркоязычных государств, саммит которого только что прошел в Алма-Ате. Его действующие участники – Казахстан, Турция, Азербайджан и Киргизия, а также пока стоящие в стороне Туркмения и Узбекистан – контролируют огромные запасы углеводородов региона Каспийского моря и пути их доставки на мировые рынки”⁴³.

Последние месяцы 2011 г. были отмечены важными событиями на пути евразийской интеграции. В Москве в Государственной думе обсуждались перспективы дальнейшей интеграции депутатами российского парламента, политиками, экономистами, экспертами РФ, Белоруссии, Украины и других стран СНГ. В ходе обмена мнениями отмечалось, что для создания Евразийского союза можно было бы “уже конкретно выходить на обсуждение декларации и дальше идти по пути или по конструктивному плану, в рамках которого есть и создание наднациональных органов”. Никто не имеет в виду строительство еще одной большой страны: “Евразийский союз должен быть союзом суверенных государств”⁴⁴.

18 ноября 2011 г. в Москве президенты России, Белоруссии и Казахстана подписали Декларацию о Едином экономическом пространстве, учреждаемом с 1 января 2012 г., а к 2015 г. – оформление Единого экономического союза. В соответствии с “Декларацией о евразийской экономической интеграции” 19 декабря 2011 г. образован наднациональный орган – Евразийская экономическая комиссия.

⁴² Известия, 16.X.2011.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Российская газета, Неделя, 17–23.XI.2011.

По мнению Р.С. Гринберга, “в наши дни решается судьба постсоветского пространства и принимаются принципиальные решения по созданию Евразийского союза”⁴⁵.

Очень важно оценить глубинные процессы возможной интеграции, обозначить главные интересы грядущего объединения.

Общим для стран евразийского региона интересом является модернизация национальных экономик, для которых по итогам трансформационных реформ характерны нарастающая примитивизация структуры хозяйства, устаревший технико-технологический парк, утраченный в значительной степени научный и социальный потенциал. Объединение усилий государств по противодействию этим тенденциям, по коренной модернизации экономики и, как следствие, повышению международной конкурентоспособности отдельных национальных государств и региона в целом – важный стимул к развитию интеграции. Модернизация и интеграции – взаимоусиливающие процессы. Для модернизации нужны емкий рынок и благоприятные условия работы на нем. Особенно это важно для обрабатывающей промышленности стран СНГ, располагающей ограниченными возможностями сбыта в дальнем зарубежье и до сих пор ориентирующейся главным образом на рынки Содружества.

По мнению профессора Петербургского университета М.И. Кротова, сегодня модернизация всех стран СНГ является вопросом выживания. Возможности восстановительного роста исчерпаны. Перспективы наращивания ВВП за счет расширения добычи и транспортировки углеводородного сырья – тоже. Даже России ее будущее существование в качестве “энергетической сверхдержавы не сулит ничего хорошего, не говоря уже о перспективах для бедных сырьевыми ресурсами Молдовы или Белоруссии. При этом возможности совершения модернизационного рывка каждой из постсоветских стран поодиночке призрачны. К тому же не следует ожидать никакой осязаемой помощи и от Запада. Не только потому, что он изначально не заинтересован в развитии несырьевых отраслей в странах СНГ. Дело в другом: мировой экономический кризис показал ограниченность ресурсов непосредственно Запада, который едва ли захочет делиться ими с республиками бывшего СССР. В этих условиях объединение усилий стран постсоветского пространства является требованием времени”⁴⁶.

Как считает Л.З. Зевин, “российский модернизационный проект, в случае проявления интереса к нему готовых к сотрудничеству соседей, может внести решающий вклад в консолидацию экономического пространства Евразии, ее превращению из периферийного в один из системообразующих регионов мира. Некоторые рациональные положения неоевразийства способны инкорпорироваться в эту судьбоносную для региона стратегическую задачу”⁴⁷.

Баланс дезинтеграционных и консолидирующих факторов позволяет сделать вывод о сохраняющейся возможности формирования в Евразии центра экономической силы. Численность населения (порядка 280 млн. человек), богатые природные ресурсы, географическое положение, огромная территория, уровень человеческого капитала и ряд других показателей евразийского пространства позволяют сформировать здесь жизнеспособную региональную структуру, готовую отвечать на глобальные вызовы и поддерживать международную конкурентоспособность. В более отдаленной перспективе, при правильной политике и стратегии страны-лидера Евразии могла бы превратиться в эффективный международный регион, способный обеспечить устойчивое развитие преимущественно на основе собственных ресурсов при активном участии в глобализирующемся мировом хозяйстве. Однако достигнуть этой цели крайне сложно, более того, невозможно, если не будут решены как минимум следующие три задачи.

Задача первая для России, потенциал которой превосходит суммарный потенциал всех других стран Евразии, – инициировать консолидацию региона в целях укрепления

⁴⁵ Известия, 24.XI.2011.

⁴⁶ Свободная мысль, 2011, № 3, с. 213.

⁴⁷ Евразия в поисках..., с. 66.

его позиций в мировом хозяйстве и стать ее лидером. Судьба мегапроекта в значительной степени зависит от процессов, которые будут развиваться внутри России. Нельзя не видеть, что конкурентоспособность страны в настоящее время находится на недостаточном для нее и стоящих перед ней задач уровне. Располагая огромной территорией, всеми необходимыми природными богатствами, интеллектуальным потенциалом и достижениями в развитии науки, техники и культуры, Россия занимает лишь 0,5% мирового рынка наукоемкой продукции, существенно отстает по показателям внедрения инноваций от передовых стран мира.

Для российской экономики необходимо в предельно короткие сроки сформулировать долгосрочную стратегию инновационного развития страны, добиться позитивных сдвигов в структуре экономики. Решая, прежде всего внутренние задачи, Россия должна сделать национальную стратегию своего экономического роста привлекательной для других евразийских государств. Сотрудничество с Россией должно вести к повышению выгод от участия в глобальном разделении труда для всех стран формирующейся региональной группировки. Чтобы быть эффективным интегратором постсоветского пространства, Россия должна продуцировать модернизационные импульсы, ощутимые на всем евразийском пространстве. Лимит времени для выполнения этой задачи практически исчерпан.

Для создания в перспективе на пространстве Евразии центра экономической силы уже сегодня необходимо существенно активизировать внутрирегиональные торговые потоки, инвестиционные и научно-технические связи, что является второй очень важной задачей. Однако без восстановления и кардинальной модернизации национальных экономик стран СНГ консолидирующий потенциал евразийского пространства практически исчерпан. За период 1995 – 2007 гг. доля внутрирегионального экспорта сократилась в 1,5 раза – с 28,4 до 18,9% при одновременном увеличении доли региона в мировом экспорте с 2,5 до 3,7%.

Требуется новая индустриализация экономик региона, которая может быть осуществлена с учетом возможностей внутрирегиональной интеграции, на основе реализации совместных проектов по созданию производств, ориентированных преимущественно на рынки России, других стран Содружества, через механизмы производственно-технологической кооперации, внедрения единых технических стандартов, через общую научно-техническую политику, глубокую финансовую кооперацию и взаимопереплетение собственности. Все это позволило бы создать крепкую систему новых привязок внутри евразийского макрорегиона. Очевидно, что решение этих задач потребует не только изменения целого ряда ныне господствующих принципов развития евразийской интеграции, но и выделения значительных финансовых ресурсов (прежде всего, Россией) на реализацию проекта.

Последним важным условием успешности реализации мегапроекта формирования на пространстве Евразии центра экономической силы является нахождение таких институциональных форм взаимодействия государств, которые позволили бы максимально учесть особые интересы участников, минимизировать дезинтегрирующее влияние на судьбу интеграции ключевых нерегиональных игроков. Провозгласив разноскоростную интеграцию, важно обеспечить оптимальные темпы, сроки, состав участников и т.д. Теория, опыт кого-либо едва ли помогут в решении этих задач. Интеграция становится видом искусства, которое потребует от политиков и практиков максимальной готовности к диалогу, проявлению доброй воли, учету интересов даже самых слабых участников. В Советском Союзе одной из основ единого народнохозяйственного комплекса была система перераспределения выгод между республиками, в том числе путем компенсации потерь и субсидий. В рамках новой организации евразийского пространства подобных стабильных, скрепляющих экономическое пространство инструментов и механизмов практически нет, хотя реальные перетоки ресурсов достаточно велики. Они идут не столько в контексте экономического процесса, сколько исходя из политических, чаще всего краткосрочных, соображений. Судьба развитых форм интеграции, в частности Таможенного союза и ЕЭП, их возможное расширение будут во многом

зависеть от возрождения этих механизмов и инструментов в радикально изменившейся политической и экономической среде.

Эта изменившаяся политическая и экономическая среда должна сформироваться прежде всего в России.

Возвращаясь к изречению Л.Н. Гумилева о том, что “Россия будет спасена только как евразийская держава и только через евразийство”, необходимо с такой же уверенностью признать, что Евразия утвердится только при активном содействии всесторонне развитой, прочной России. Только при таком двуедином успешном процессе может быть реализована евразийская идея на постсоветском пространстве.

Геостратегическая евразийская концепция России должна включать в себя основные положения:

- место России в мировой экономике;

- структурная перестройка российской экономики;

- формирование ее новой модели на длительную перспективу;

- степень экономической зависимости России от других государств;

- роль в мировой политике, степень и возможность политического влияния;

- наличие и характер противоречий с другими государствами;

- наличие союзников и государств с совпадающими интересами;

- разработка стратегии развития евразийского пространства и его отдельных регионов.

От четкого понимания и реализуемости этой геостратегической концепции зависит и определение роли Российской Федерации в качестве Центра на евразийском пространстве и возможность стимулирования центростремительных тенденций ее соседей.

Россия может и должна стать ядром будущей евразийской структуры – Евразийского союза на постсоветском пространстве. Четкую конструкцию этой структуры сейчас вряд ли возможно, преждевременно проектировать. Она может определиться только через ряд лет. Но именно в этом, говоря словами Гумилева, “спасение” России. А главное – сохранение и развитие огромного (пусть и значительно сокращенного после распада Советского Союза) евразийского пространства, на котором расположено Российское государство. Это и есть в концентрированном виде основная евразийская идея XXI века.